

ВЫШЛИ КНИГИ:

СЕРИЯ «ПОЛЫНЬ – СУХИЕ СЛЁЗЫ»:

РАЗРЫВ — ТРАВА ГОРЬКАЯ
СКВОЗЬ ПЕЧАЛЬНЫЕ ТУМАНЫ
ВОЛКИ СМОТРЯТ В ЛЕС
ОТВОРИТЕ МНЕ ТЕМНИЦУ
ГОРЮЧ КАМЕНЬ АЛАТЫРЬ

СЕРИЯ «ГРЕШНЫЕ СЕСТРЫ»:

ЦВЕТЫ ЗАПОЗДАЛЫЕ
ГОРИ, ПИСЬМО ЛЮБВИ
СУДЬБОЮ РВЕТСЯ НИТЬ

СЕРИЯ «ДОРОГОЙ ДЛИННОЮ:

ТВОИ ГЛАЗА БЕЗДОННЫЕ
ТИХОЙ НОЧЬЮ НА СТЕПИ
ЛУНОЙ БЫЛ ПОЛОН САД
ТЫ ОДНА – ВСЯ ЖИЗНЬ
ЖАСМИН ЕЩЕ ЦВЕЛ

ВСЕМ СМЕРТЯМ НАЗЛО

ВЫШЕЛ МЕСЯЦ ИЗ ТУМАНА
ЗВЕЗДЫ НАД ОБРЫВОМ

СЕРИЯ «МАГИЧЕСКИЕ ТРОПИКИ»:

ДЕТИ ЙЕМАНЖИ
ЖЕНЫ ШАНГО

Анастасия Туманова

ВСЕМ СМЕРТЯМ НАЗЛО

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Т83

Туманова, А.

Т83 Всем смертям назло / А. Туманова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 396 с. — (Дорогой длиною).

Грузинская княжна Мери, потеряв родителей в огне гражданской войны, попадает в цыганский табор. Цыгане бегут на юг, бежит с ними и Мери. Чтобы выжить, она принимает законы табора. Любовь к цыганскому парню заставляет девушку из старинного кавказского рода полностью изменить себя, свои взгляды на жизнь, свою судьбу... Кочевой табор стал настоящей семьёй для Мери. Вспомнит ли княжна об этом, когда встанет перед нелёгким выбором?..

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-92504-9

© Туманова А., 2021
© Бенимана Д., оформление, 2021
© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

*Автор благодарит Фонд цыганской культуры
и истории Николая Бессонова*

*и актрису театра «Ромэн»
Патрину Шаркози
за предоставленный материал
для оформления обложки.*

Г Л А В А 1

— Вы — Антонина Яковлевна Баулова, урожденная Дмитриева, 1896 года рождения, артистка петроградского цыганского хора?

— Да.

— Прибыли в Москву из Петрограда сегодня?

— Да.

— Живете в Петрограде давно?

— Восемь лет.

— С какой целью прибыли в Москву?

— У меня здесь жили родители и младшие братья с сестрой, я думала найти их.

— Вам известно, где они находятся?

— Нет. От них не было писем уже полгода.

За массивным письменным столом — короткая пауза.

— И вы приехали в Москву только сейчас?

— Я была больна тифом. Раньше приехать не могла никак.

Снова молчание за столом. Молодая женщина с темным худым лицом сидела напротив следователя очень прямо, не поднимая ресниц. Черное платье и траурный шарф, накинутый на едва отросшие, густые и вьющиеся волосы, еще

сильнее подчеркивали ее смуглоту, запавшие прогалины под скулами и коричневые усталые круги у глаз.

Чувствуя на себе внимательный взгляд следователя, Нина упорно не смотрела на него. Казалось, что сделай она это — и человек за столом сразу почувствует ее смертельный страх, который, как ей чудилось, пах остро и резко на все здание ЧК.

— Итак, родные вам не писали?

— Нет.

— Вас это не тревожило?

— Не особенно. Такие сейчас времена.

— Вы знаете, где находятся сейчас ваши родные?

— Нет. Вы уже об этом спрашивали.

— Вы знаете, почему вас вызвали сюда?

— Нет. — Далее смотреть в пол было уже невозможно, и Нина наконец подняла глаза. На то, чтобы удерживать на лице выражение спокойствия пополам с недоумением, уходили последние силы, она всерьез опасалась грохнуться в обморок. К тому же в тесном кабинете нечем было дышать от духоты. Май 1920 года выдался теплым и сухим. Каждый день над Москвой прокатывались короткие сердитые грозы, едва успевавшие прибить пыль на тротуарах, но этим вечером, кажется, должно было полить по-настоящему. Глядя через плечо следователя в закрытое, все в пыльных потеках окно, Нина видела обложившую небо фиолетовую тучу, время от времени лениво посвечивающую молниями. Страшно хотелось пить и еще больше — папиросу. Но Нина понимала, что об этом нечего и думать, и продолжала в упор, как можно безмятежнее смотреть на сидящего перед ней следователя.

Это был темноволосый широкоплечий человек с некрасивым, осунувшимся от усталости лицом. Серый потрепанный френч казался слишком узким для его кряжистой фигуры. Говорил он медленно, то и дело запинаясь, словно отвечал

плохо выученный урок, глядя при этом не на задержанную, а в лежащие на столе бумаги. Когда он внезапно поднял голову и посмотрел на Нину в упор, та невольно вздрогнула: настолько неожиданно было увидеть светлые, почти прозрачные глаза на сожженной загаром физиономии следователя ЧК. Через все его лицо по левой щеке тянулся шрам. «Какой молодой... — машинально подумала Нина. — А шрам старит...»

Молодость следователя неожиданно придала Нине уверенности.

— Простите великодушно, нельзя ли попросить воды? И... отчего вы не откроете окно? Очень душно, идет гроза.

— Да, конечно, — поспешно сказал он, беря со стола графин с желтоватой водой и наливая ее в стакан, который Нина жадно выпила до дна.

— Еще?

— Да... вы очень любезны, благодарю.

Налив для Нины второй стакан, следователь отошел, чтобы открыть окно. Старые, проржавевшие замки на рамах не поддавались, и человек во френче вполголоса выругался. Наконец форточка с пронзительным скрипом распахнулась, и в комнату, взъерошив стопку бумаг на столе и сдернув с головы Нины шарф, ворвался порыв теплого, сухого ветра. Одновременно яростно грохнуло за окном, и сразу же потемнело. Несколько тяжелых капель ударило по подоконнику.

— За что же я арестована, товарищ?.. — решительно начала Нина — и осеклась, поняв, что совершенно не помнит, как зовут этого человека. Когда двое солдат ввели ее в кабинет, следователь, разумеется, представился, но Нина была так перепугана, что все слова пропустила мимо ушей.

— Наганов. Максим Егорович. И вы, Антонина Яковлевна, напрасно испугались. Вы не арестованы, а задержаны.

— Но почему?..

— Потому что вы — дочь человека, которого советская власть подозревает в убийстве комиссара и трех красноармейцев.

Нина изумленно смотрела на Наганова.

— Господи, да это же чушь, чушь!.. — прошептала она. — Глупость! Отец?! Как он мог?!

— В вашем доме на Живодерке нашли четверых убитых. И пятого — в верхнем этаже. — Наганов пробежал глазами одну из лежащих перед ним бумаг. — Этого последнего одна из свидетельниц опознала как Солонцова Юрия Георгиевича, офицера деникинской армии. Ваш отец прятал в доме вражеского шпиона, Антонина Яковлевна.

«Я сейчас умру», — в отчаянии подумала Нина, закрывая глаза. Вслух же холодно произнесла:

— Не могу поверить. Вы, товарищ Наганов, должно быть, не знаете, но отец не мог идти против советской власти! Его хор выступал для красноармейцев, мамино пение сам товарищ Луначарский хвалил, им паек в комиссариате выписали, и...

— Знаком ли вам Прохарин Дмитрий Павлович?

Вопрос был столь неожиданным, что Нина умолкла на полуслове и растерянно уставилась на Наганова. «Как это странно... — вдруг совсем не к месту подумалось ей. — Сам черный, как сапог, а глаза — прозрачные...»

— Как вы сказали? Прохарин? Нет... Не припомню. Кто это?

— Есть подозрение, будто цыган.

— Чей он? — машинально спросила Нина, но, тут же сообразив, что для русского человека такой вопрос бессмыслен, уточнила: — Какого рода, как его называют цыгане?

— Это имеет значение? — Наганов, похоже, искренне удивился. Нина торопливо закивала, и он, подумав, медленно проговорил: — Мы не располагаем такими сведениями.

Сам Прохарин отрицал, что является цыганом. Он служил в комиссариате, и доподлинно известно, что в тот день, когда случилось убийство на Живодерке, этот человек вместе с комиссаром Щукиным и солдатами Федоровым, Гнатыком и Демиченко пришел в дом вашего отца, чтобы арестовать белогвардейского шпиона, которого прятали цыгане. Среди убитых Прохарина не обнаружили, он исчез.

— Боже мой, но ведь ясно же, что он всех и убил! Он, этот ваш Прохарин! И, клянусь, вовсе он не цыган! — взорвалась Нина так, что Наганов невольно отшатнулся от полыхнувших ему прямо в лицо черных, длинно разрезанных глаз. — Никогда цыгане не убивают людей!

— Тем не менее, произошло убийство революционных солдат, гражданка Баулова! — повысил голос Наганов, и Нина, опомнившись, умолкла. — В доме тех самых цыган, которые, по-вашему, не идут против власти, обнаружен белогвардейский шпион! Ваша семья пропала из Москвы без следа! Цыгане, все как один, орут, машут руками, воют, крестятся... и хоть бы кто-то заговорил по-человечески! «Мы по-русски плохо знаем, начальник, мы люди дикие, неграмотные, ничего не понимаем, у нас дети...» — и так до самой ночи! А вы говорите — сам товарищ Луначарский...

Нина криво улыбнулась дрожащими губами.

— Боюсь, что и мне нечего сказать, товарищ Наганов. Вы, конечно, вправе мне не верить... но очень много людей может подтвердить, что этой зимой я находилась в Петрограде, в Новой Деревне, и была больна сыпным тифом. Умерли мой муж и сын, я и дочери выжили чудом. Никто из моих родных у нас не появлялся. Это тоже можно проверить. Я приехала сюда, потому что никто ничего не знал... и... Вы теперь... посадите меня в подвал?

Наганов коротко взглянул на нее своими светлыми глазами, и Нина заметила, как дернулся мускул на его щеке.

— Хорошего же вы мнения о нас, Антонина Яковлевна, — ровно произнес он.

— Но... я... — растерялась Нина. — Простите, я вовсе не хотела... Товарищ Наганов, я, поверьте...

— Вот ваш пропуск, гражданка Баулова. Можете идти. Но попрошу вас пока не уезжать из Москвы. Возможно, вы еще будете вызваны.

Нина, как автомат, взяла серый листочек бумаги, встала и направилась к двери. «Там дождь, гроза... — мелькнуло в голове. — Сейчас промокну вся... Боже, какие пустяки... Бегом, бегом отсюда!» Она схватилась за ручку двери, но та, как назло, не поворачивалась.

— Разрешите, — раздался прямо за спиной спокойный голос, и Нина, обернувшись, вздрогнула: из-за грома и шестеста дождя за окном она не услышала, что Наганов подошел к ней вплотную.

Среди цыган Нина всегда считалась высокой, но этот человек был выше ее на полторы головы. Испуганно подняв взгляд, она увидела прямо над собой его темное грубоватое лицо с перерезанной шрамом щекой, светлые глаза.

— Опять заклинило, давно поменять пора, — словно извиняясь, произнес он и одним мощным движением отворил дверь.

— Благодарю... — пробормотала Нина.

Голос Наганова остановил ее уже за порогом:

— Антонина Яковлевна, мы не могли с вами встречаться прежде?

Нина ожидала чего угодно — только не этого. От растерянности она забыла и о своем страхе, и о приличиях и, обернувшись, долго, в упор смотрела на Наганова. В конце концов тот отвернулся первым. Похоже, он был смущен.

— Просто мне показалось знакомым ваше лицо. Извините, но... Нина Молдаванская — ведь это вы?